

УДК 87 (575.2) (04)

ДАОСИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КИТАЙСКУЮ КУЛЬТУРУ

Н.М. Галкина – канд. ист. наук, доцент

Рассматриваются особенности развития даосской мысли, позволившей сформулировать варианты решения основных проблем, стоящих перед человечеством.

Ключевые слова: Китай, влияние, даосизм, человечество.

Даосизм с давних пор привлекает внимание исследователей Китая. Однако дать краткий и ясный ответ на вопрос что это такое сложно, ибо даосизм – понятие многомерное.

Само слово Дао вовсе не является исключительным достоянием даосизма. Оно принадлежит всей китайской мысли, и каждый философ древнего Китая видел в нем обозначение истины и праведного пути жизни. Все китайские мудрецы – приверженцы Дао. И хотя это понятие дало название даосизму (Дао цзяо), ничего собственно даосского в нем нет. Это одна из важнейших категорий всей китайской культуры. Специфично лишь ее осмысление даосизмом. Если в конфуцианстве Дао – путь нравственного совершенствования и правления на основе этических норм, то в даосизме Дао космологизируется, приобретая значение высшего первопринципа, мировой субстанции, источника всего сущего. Даос живет капиталом духа. Правда Дао – это то, что дается нам прежде, чем мы познаем себя, и оно есть то, что перейдет от нас к будущим поколениям после того, как мы уйдем. Что же это? Классики даосской традиции дают, по сути, точный ответ: все то, что существует “само по себе” (цзы жань), что не порождено людским умствованием и озабоченностью, что не несет на себе печати натуги, напряжения, насилия.

Мудрость приверженца Дао – это не знание и не искусство, а некое умение “не затемнять суетным деланием великий покой бытия”, это “путь цельного существования”, в котором умозрение и действие, дух и материя, сознание и жизнь оказываются собранными в свободном, беспредельном, хаотическом единстве (и сьюй). Такое единство, как большинство основных понятий даосизма, насквозь парадоксально, и потому даосские учителя умалкают, когда у них просят это объяснить. Как сказано в “Дао-дэ цзин”, главном каноне даосизма: “Знающий не говорит, а говорящий не знает”. И в другом месте: “Когда

низкий человек слышит о Дао, он смеется. Если бы он не смеялся, это не было бы Дао”.

Даосские мудрецы ничего не доказывают и не проповедуют. Их цель – дать верную жизненную ориентацию, указать путь к средоточию жизненного опыта – вечно отсутствующему и вездесущему.

По учению даосов, существует лишь великое Дао – предвечное, бесконечное, немыслимое, не имеющее “образа, вкуса или запаха”, никем не сотворенное, оно “само себе ствол, само себе корень”, охватывающее и вмещающее в себя все сущее. Даосы называют его “высшим Учителем”, “небесным предком”, “матерью мира” или “творцом вещей”, но они не ждут от него конкретной заинтересованности в их личной судьбе или судьбе Вселенной, ибо в мире все происходит “само собой”, каждое мгновение времени и каждая частица бытия совершенно самостоятельны.

Даосизм – национальная религия древнего и средневекового Китая. Наряду с учением конфуцианства и буддизмом, заимствованным из Индии, он входит в так называемую “триаду учений”, которые составляют основу всей духовной культуры Китая на протяжении большей части ее истории.

Основоположником даосизма является мыслитель Лао-цзы (VI–V вв. до н.э.). Сведений о его жизни очень мало, но известно, что он был хранителем императорского архива Чжоуского двора – величайшего книгохранилища Древнего Китая. Лао-цзы – прозвище, означающее “старый учитель”, который перед тем как навсегда уйти из Китая на Запад, оставил у начальника пограничной заставы Инь Си изложение своего учения под названием “Дао-дэ цзин”. Сам Лао-цзы полагал, что его “слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и осуществлять”. И тут же утешал: “Когда меня мало знают, тогда я дорог”. Или: “Трудно управлять

народом оттого, что власти слишком деятельны”. Как это понять? Далее: “Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни”. И тут же: “Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь”. В этом отрывочном тексте следует искать общеглубинный смысл, а чтобы понять Лао-цзы, надо определить Дао.

Дао входит в предметы, делая их истинными и объединяя их в единое целое. Дао – источник всех вещей и основа функционирования бытия. Дао определяется как “корень”. Корень находится под землей, его не видно, но он первичен по отношению к растению. Также первично и невидимое Дао, из которого продуцируется весь мир. Знакомство с индийской культурой наводит на мысль, что Дао близко к понятиям Единое, “пустота”. “Дао пусто, но в применении неисчерпаемо”.

Лао-цзы, исходя из главенства Дао, думает не об уходе из мира, а о том, какие из этого проистекают следствия для жизни. В этом смысле Дао понимается как естественный закон развития природы. Основное значение иероглифа дао – “дорога, по которой ходят люди”. Дао – путь, по которому идут люди в этой жизни, а не только нечто вне ее. Человек, не знающий пути, обречен на блуждание. Дао каждый ищет в себе. “Кто знает самого себя, тот сможет выяснить (сущность вещей), а кто знает людей, тот способен вершить дела”. Можно сравнить с античным “познай самого себя”. Чтобы познать Дао, надо освободиться от собственных страстей. Познавший Дао достигает “естественного равновесия”, потому что все противоположности приводят к гармонии.

Дао ничего не желает и ни к чему не стремится. Все естественное происходит само собой, без особых усилий личности. Естественному ходу противостоит искусственная деятельность человека, преследующего эгоистические, корыстные цели. Такая деятельность предосудительна, поэтому основным принципом Лао-цзы выступает недеяние (увэй). “Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, что бы оно не делало”. Увэй не есть пассивность, а скорее непротивление естественному ходу событий и деятельность в соответствии с ним. Действуйте, говорит Лао-цзы, но помните, что нарушение естественного закона приводит к противоположному результату, тогда как следование ему дает желаемое. Встречаются у него и такие словосочетания: “Действовать своим недеянием”, “Управлять, не управляя” и т.п. Лао-

цзы подчеркивает, что “дао совершенномудрого – это деяние без борьбы”, поскольку естественный закон побеждает сам собой. Недеяние столь же важно, как деяние. Недаром библейские заповеди излагаются в форме ограничений – не убий, не укради и т.д. Надо знать, что делать и чего делать нельзя. Это и есть знание Дао.

Основное содержание вероучения даосизма было сформулировано позднее и может быть сведено к учению о бессмертии и путях его обретения.

Путь к бессмертию, по даосскому учению, предполагал занятия сложными методами особой психофизической тренировки, во многом напоминавшей индийскую йогу. Она включала два аспекта: совершенствование духа и совершенствование тела, то есть – от здорового образа жизни до попыток изготовить особую “пилюлю бессмертия”. Поэтому алхимия считалась высшим путем к обретению бессмертия.

Алхимия разделялась даосами на два типа – внешняя (вэй дань) и внутренняя (нэй дань). Из них только первая являлась алхимией в собственном смысле этого слова. Она предполагала создание в лабораторных условиях модели космоса, где под воздействием огня вызревает эликсир бессмертия. Главное отличие китайской алхимии от европейской – ее исходная теснейшая связь с медициной: в китайской алхимии даже золото “изготавливалось” как эликсир бессмертия. Даосскими алхимиками был накоплен ценнейший материал в области химии и медицины, значительно обогативший традиционную китайскую фармакологию. К X в. “внешняя” алхимия пришла в упадок, и ей на смену пришла “внутренняя” алхимия. Она представляла собой алхимию только по названию, поскольку была ничем иным, как упорядоченным комплексом сложных психофизических упражнений, направленных на трансформацию сознания адепта и изменение его психофизических параметров.

Существовал и своеобразный “народный даосизм” – составление гороскопов, астрологических карт, гадательных книг, изготовление оберегов и знахарство.

Элементы религиозной организации в даосизме появились только во II в. н.э., когда Чжан Дао Лиин в одной из китайских провинций (совр. Провинция Сычуань) создал на основе одной из даосских сект своеобразное теократическое государство со своей структурой, принципами, подданными. Себя же он назвал тянь-ши (небесный наставник) На протяжении следующих двух тысяч лет, до 1927 г., в разных местах и с

разным официальным статусом это государство существовало как автономное политическое образование. В VII–X вв. возник и институт даосского монашества.

Даосский пантеон вобрал в себя все наиболее популярные в народе древние суеверия, божества, духов, культы и т.д. Верховным божеством был признан Юй Хуан Шанди, Нефритовый император, повелитель неба и земли. Рядом с ним находился Лао-цзы.

Говоря о китайской культуре, мы привыкли рассматривать ее как нечто единое и цельное. Однако это совершенно неверно применительно к китайской древности. Подобно тому, как сам Китай (тогда царство Чжоу) был разделен на множество отдельных, враждовавших между собой царств, так и культура его была многообразной, существовало несколько типов культур, позднее сплавленных в великом общекитайском синтезе. В наибольшей степени отличались друг от друга культуры севера и юга Китая. Если для севера, давшего начало конфуцианству, характерно внимание к этической проблематике и ритуалу, то на юге господствовала стихия мифопоэтического мышления, процветала экзотичность шаманских культов. И даосизм, созревший, видимо, в лоне южной традиции, тем не менее соединил в себе экзальтированную архаику юга и рациональность севера. Без южной традиции даосизм не стал бы даосизмом, без северной – не смог бы сказать о себе языком великой культуры и книжной образованности.

Значение даосской традиции для художественной культуры (литературы, изобразительного искусства) Китая выражается в следующих главных аспектах:

☞ именно даосская традиция сыграла роль консерванта и популяризатора древних верований и мифологем, придав им новое содержание и универсальный характер;

☞ в русле даосской традиции выкристаллизовалась стереотипная для культуры Китая модель восприятия дикой природы (волшебные горы Кунлунь как место обитания божества – подателя бессмертия и произрастания Древа бессмертия), наложились даосско-религиозное (горы как место обитания бессмертных и обретения бессмертия даосских адептов), даосско-философское (природа как манифестация универсального Дао), натурфилософское (природа как воплощение вечности и бесконечного круговорота естественных феноменов и процессов) и эстетическое (природа как олицетворение абсолютной красоты мира) восприятие окружающей действительности.

В результате сложился общий набор образов в китайской культуре. Так, гора (хребет, утес, каменная глыба) выступает ассоциативным синонимом волшебных гор Кунлунь, воплощением мужского начала мира и олицетворением вечности природы (горы вечны, недвижны и неизменны). Вода выступает как поток (река), ручей и замкнутый водоем (озеро). Отличительная особенность потока – его мощь, стремительность течения, что делает его адекватным воплощением космического потока – Дао. Поток (река), выходящий у подножия гор, – есть реликтовый образ мифических рек, окружавших Кунлунь и делавших его недоступным для простых смертных. Петляющий и теряющийся в глубинах гор ручей является смысловым синонимом горной тропинки, восхождение по которой знаменует уход человека от суетного мира и его приобщение к “естественному образу жизни”. Общее свойство потока-реки и ручья – непрерывность их течения, что также передает вечность природы.

Важнейшие варианты образа дерева – одинокое дерево, которое растет на вершине горы, кустарник на берегу реки, роща, лес. Все они являются дериватными воплощениями Древа жизни, олицетворением повторяемости природных явлений – увядающая, опадающая и вновь образующая листва, то есть вечного круговорота естественных процессов. Особое значение имеет сосна – вечнозеленое дерево, растущее на камнях (символ духовной стойкости). Главный смысловой синоним сосны – бамбук.

В зимних пейзажах обыгрывается символика белого цвета (олицетворение пустынности Дао и чистоты его постижения). Присутствие в пейзажных произведениях (поэзия, живопись, сад) антропоморфных (сам человек), антропогенных (различные постройки – хижина, беседка, мост) элементов является наглядной иллюстрацией идеи растворения личности в природе. Набор изображаемых персонажей тоже стандартен и символичен. Это мудрец, созерцающий природу, отшельник, путник – воплощение идеи странствования как ухода от суетного мира и постижения истины, дровосек – образ человека, умеющего распознавать скрытую суть вещей и явлений.

Хижина – обитель отшельника, беседка – место медитативного созерцания и любования красотой природы, мост – универсальное изображение для мифологически религиозного типа мышления, олицетворение перехода от обыденного в иной, волшебный мир.

Таким образом, влияние даосской традиции на художественную культуру Китая далеко не ограничивает привнесение в нее определенного числа образов, тем, сюжетов и символики.

Изъясняются даосы парадоксами, туманными сентенциями и экстравагантными притчами. Одни исследователи пытаются разглядеть в этом ту или иную философскую систему. Другие видят в даосах наследников мифопоэтического мышления. Третьи считают, что вся эта даосская заумь – есть чуть ли не намеренная мистификация, скрывающая истинное учение о Дао. Но ни одна из этих трех точек зрения не помогает лучше объяснить даосские тексты такими, какие они есть. Подлинный импульс говорения о Дао – это сама жизнь сознания, непрестанно устремляющегося за свои собственные границы, каждое мгновение возобновляющего свою связь с творческой стихией жизни. Оно дарит высшую радость бытия, но само не напоминает о себе, как не ощущается нами наше собственное тело, пока оно здоровое и сильное. Или, как сказал Чжуан-цзы, “когда сандалии впору, забывают о ноге”.

Но почему притчи и афоризмы? Во-первых, афоризм, притча по-своему парадоксальны, как природа “истока вещей” в даосизме. Во-вторых, эти словесные жанры не устанавливают всеобщие отвлеченные истины, но оказываются истинными в особых случаях и тем самым утверждают исключительные, неповторимые качества жизни, как раз и переживаемые нами в творческом акте. В-третьих, афоризм или притча успешно стирают грань между истинным и ложным, переносом и буквальным смыслами. Так речь даосов, на первый взгляд путаная и шокирующая, на поверку оказывается точным словесным слепком Великого Пути как глубинного ритма жизни. Недаром древние комментаторы даосских канонов часто повторяли, что “все слова выходят из Дао”. В речах даосов нет ничего произвольного. В них запечатлелась мудрость, ставшая итогом долгого пути самопознания духа. Перед нами язык традиции, где ценится не просто умное, но прежде всего – долговечное. Речь даоса – это череда сокровенных озарений, высвечивающих путь сердца. Мудрость даоса есть “знание семян вещей и зародышей событий”.

Итак, Лао-цзы, приняв Дао за высшую категорию своей философии, рассматривал ее не только как всеобщий закон, но и как источник формирования мира. Весь мир рассматривался как определенное количество признаков. Создателем этих признаков является субстанция, не постигаемая органами чувств и находящаяся вне времени и пространства. Эта субстанция называется “Дао”.

Дао неограниченно. Оно существует в каждое мгновение и в каждой вещи. Дао породило Небо и Землю, породило императоров и царей, породило все принципы. Оно породило само себя.

В качестве заключения можно привести даосскую притчу.

Знание странствовало на Севере у истоков реки Темная вода, взойшло на холм Незаметный и встретилось с Недеянием.

– Мне хочется тебя спросить, – сказала Знание Недеянию, – как размышлять, как думать, чтобы познать путь? Где находиться, чему покориться, чтобы утвердиться в пути? За кем следовать, какой дорогой, чтобы обрести путь?

Ни на один из трех вопросов Недеяние не ответило. Не только не ответило, но и не знало, что ответить.

Ничего не добившись, Знание вернулось на южный берег реки Светлая вода, взойшло на холм Конец Сомнений и, заметив Возвышающегося Безумца, задало ему те же вопросы.

– Я это знаю, сейчас тебе скажу, – ответил Возвышающийся Безумец, но тут же забыл, что хотел сказать.

Ничего не добившись, Знание вернулось во дворец предков, встретило Желтого Предка и задало ему те же вопросы.

– Не размышляй, не думай и начнешь познавать путь. Нигде не находишь, ничему не покоряешься и начнешь утверждаться в пути. Ни за кем не следуй, ни по какой дороге не ходи и начнешь обретать путь, – ответил Желтый Предок.

– Мы с тобой это знаем, – сказала Знание – а оба встреченные мною прежде не знали. Кто же из них прав?

– Один, по имени Недеяние, воистину прав; другой, Возвышающийся Безумец, ему подобен, – ответил Желтый предок.

– Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся, ибо “Знающий не говорит, говорящий не знает”. Поэтому “мудрый и осуществляет учение безмолвно”.

Пути нельзя постичь в словах, свойств нельзя добиться речами. Милосердием можно действовать, справедливостью можно приносить ущерб, церемониями можно друг друга обманывать. Поэтому и говорится: “После утраты пути появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Церемонии – это украшение учения и начало смуты”. Поэтому и говорится: “Тот, кто осуществляет путь, с каждым днем все больше

утрачивает, утратив, снова утрачивает, вплоть до того, когда достигает недеяния, недеянием же все совершает”. Если ныне, уже став вещью, некто захочет вернуться к своему корню, не будет ли ему трудно? Это легко лишь великому человеку. Ведь жизнь следует за смертью, а смертью начинается жизнь. Разве кому-нибудь известен их порядок? Рождение человека – это скопление эфира. Соберется эфир, образуется жизнь, рассеется – образуется смерть. Если смерть и жизнь следуют друг за другом, зачем же мне горевать? Для всей тьмы вещей это общее: и то, чем любуются, как божественным чудом, и то, что ненавидят как разложение. Разложившееся снова превращается в божественное чудо, а божественное чудо снова разлагается. Поэтому и говорится: “Единый эфир пронизывает всю вселенную”, поэтому и мудрый ценит единое.

Знание сказало Желтому Предку:

– Я спросило у Недеяния, а Недеяние мне не ответило. Это не значило, что не ответило мне, – не знало, что мне ответить. Я спросило Возвышающегося Безумца, Возвышающийся Безумец хотел мне поведать, но не поведал. Это не значило, что не поведал мне – хотел, но забыл, о чем собирался сказать. Ныне я спросил у тебя, и ты это знал. Почему же мы к ним не приблизимся?

– Один воистину прав благодаря своему незнанию, – отвечал Желтый Предок, – другой ему подобен благодаря своей забывчивости. Ни ты, ни я к ним до конца не приблизимся из-за своего знания.

Таким образом, даосизм оказал сильное влияние на китайскую культуру в целом и на традиционные формы знания. Занятия алхимией способствовали накоплению богатого эмпирического материала в области химии, в традиционной медицине, фармакологии. Даосские сочинения сохранили рецепты лекарств, описание свойств металлов и минералов. Во многом благодаря даосским ученым позднее были совершены открытия компаса, бумаги, пороха, фарфора, шелка. Влияние идей даосизма прослеживается в знаменитых классических трактатах о военной стратегии и вообще военном искусстве. Тема гуманизма и войны, поднимаемая в них, актуальна и по сей день. На близость даосизма к нарождающемуся новому пониманию природы указывают экологи. Лао-цзы советует приспосабливаться к естественным циклам, подчеркивает самодвижение в природе и важность равновесия.

В наше время даосизм популярен в КНР, на Тайване, в Сянгане и среди китайских эмигрантов в разных странах. Религиозные син-

кретические группы, практикующие даосизм, подверглись в КНР разгрому в 1960–1970-х гг. в период “культурной революции”, а с начала 80-х начали активно восстанавливать свое влияние почти повсеместно (особенно на периферии). Тогда же была восстановлена и созданная в 1953 г. Всекитайская Ассоциация последователей даосизма.

Ныне активно действующие храмы божеств китайского пантеона обслуживают шаманы-медиумы, гомеопаты, предсказатели судьбы, хироманты, физиогномисты. Даосские храмы, монастыри и святые места посещают сотни тысяч верующих. В последнее время большую популярность во всем мире приобретают такие, базирующиеся на даосском учении, искусства, как фэншуй (геомантия), цигун (психо-физиологические практики, связанные с дыхательной гимнастикой), некоторые стили традиционных боевых искусств ушу (такие, как тайцзицюань, багуачжан), китайская астрология и т.д.

Цивилизация древнего Китая уже ушла в прошлое. Но ее мудрость, вобравшая в себя опыт духовных исканий и подвижничества сотен поколений, не умерла и не может умереть. Даосизм как часть и, может быть, самая важная часть этой мудрости, не потерял своей жизненности и сегодня. Заветы древних даосов обращены к каждому, кто желает познать загадку истоков всего происходящего, кто не удовлетворяется условностями цивилизаций, морали, идеологий, но ищет истинно великое и вечное, кто имеет мужество отказаться от мелочных приобретений ради того, чтобы вместить в себя весь мир.

Литература

1. Антология даосской философии. / Сост. В.В. Малявин. – М., 1994.
2. История китайской философии. – М.: 1988.
3. История религии / Под ред. И.Н. Яблокова. – М., 2002.
4. Китайская философия. Энциклопедический справочник. – М., 1994
5. Лукьянов А.Я. Истоки Дао: древнекитайский мир. – М., 1992.
6. Лукьянов А.Е. Дао Книги перемен. – М., 1993.
7. Даосские притчи / Сост. А.Н. Мстиславский. – СПб., 1993
8. Культурология: история мировой культуры / Под ред. А.Н. Маркиной. – М., 1994.
9. Кравцова М.Е. История культуры Китая. – СПб., 1999.
10. Васильев Л.С. Культура, религии, традиции в Китае. – М., 2001.